

«У Даля описывается пристрастие к вещцам: так и видишь какую-нибудь хорошенькую барышню, влюбавшуюся в не менее хорошенький зонтик. У Солженицына — совсем другая энергетика этого чувства: влюбаваться в кого — и уже не оторваться ни глазами, ни сердцем, хотя бы только любуясь на расстоянии... «Влюбаваться» — очень нужное Солженицыну слово, незаменимое; по сравнению с «влюбить» оно несет в себе и большую отстраненность — «любаваться», и большую обреченность — «пристраститься» (7, С. 295-296).

«Итак, солженицынские слова вместе с определениями выписаны из Даля, но они так пропущены через опыт «второтолкователя», что, каждое по-своему, становятся парафразами огромного текста по имени Солженицын. Сам Солженицын, может быть, и не имел в виду тех смысловых оттенков, которые мы ему приписываем, — но подлинно художественный текст всегда умнее автора, и слова в солженицынском словаре сами говорят за себя, кричат о том, о чем автор молчит» (7, С. 296).

Чтобы войти в состав общенародного языка, быть включенными в Словарь «живого великорусского» наравне с общеупотребительными словами, новообразования должны восприниматься столь же или даже более «естественно», чем их соседи по словарю, походить на народную речь. Поэтому далевско-солженицынские однослова восприимчиваются как прозаизмы, скроенные по закону разговорной речи.

«В целом Даль, как и Солженицын, предпочитает не рубить, скрещивать корни, но работать с приставками и суффиксами, то есть брать «одно, главное понятие», плавно поворачивая его иной гранью. Типичные далевско-солженицынские словообразования: «издивоваться чему», «выпытчивая бабенка», «размысловая голова — изобретательная», и т.п. Никаких резких разломов и сращений в строении слова — лишь перебрать